

РЕЦЕНЗІЇ

Дергачева И.В., Мильков В.В., Милькова С.В. *Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель* [Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. IX]. М.: Мир философии, 2016, 416 с.

В 1925 г. С.А. Бугославский опубликовал исследование, в котором продемонстрировал, как в науке XIX в. из догадок и предположений, повторяемых затем как установленные факты, возник древний писатель XI в. Иаков Мних, которому стали приписывать различные произведения. В то же время, скрупулёзный анализ списков *Памяти и похвалы Владимиру* (главного труда с именем Иакова) доказывал, что в сохранившемся виде это — текст не старше XIII в. (Бугославский С.А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру. *Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук*. 1924 г., т. 29. Л., 1925, 105–159). Тем не менее, общее стремление науки к удревнению всего и вся оказалось настолько сильно, что в течение почти века исследователи продолжали считать *Память и похвалу* едва ли не древнейшим историческим произведением Руси (только в самое последнее время выводы Бугославского стали восстанавливать в правах, см.: Толочко А.П. *Очерки начальной Руси*. К.; СПб., 2015, 35–40; Арістов В. Походження історичних повідомлень Пам'яті та Похвали князю Володимирі Якова Мніха. *Ruthenica XIII* (2016), 50–82).

За двенадцать лет до статьи об Иакове Мнихе С.А. Бугославский опубликовал работу о другом «древнем» авторе — Луке Жидяте — аналогичную по методу и задачам (Бугославский С.А. Поучение епископа Луки Жидяты по рукописям XV–XVII вв. (Из филологического семинария проф. В.Н. Перетца). *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*, т. 18, кн. 2. СПб., 1913). Будучи ещё очень молодым человеком, Бугославский тогда не решился оспаривать авторитет традиционной датировки памятника XI в. Однако из его работы с непреклонностью следовало, что наиболее ранняя редакция поучения, приписываемого «архиепископу Луке», представлена списками *Новгородской IV летописи (НIV)* XV в., а редакции текста, находимые в составе сборников различного содержания, суть производные от летописной и, следовательно, ещё более поздние, что и коррелирует с датировкой рукописей. Никаких реальных следов произведения ранее XV в. обнаружить не удалось.

Рецензируемая книга «Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель» свидетельствует, что и в этом случае и метод, и выводы Бугославского были, в значительной степени, проигнорированы, а наука проделала поразительную деволуцию сравнительно с состоянием начала XX в. Ниже мы обратимся к каждой из ипостасей великого человека, заявленных в названии книги, но прежде посмотрим, каким он предстаёт на страницах тома.

Книга состоит из двух компонент: исследовательской и археографической. Первая часть повествует о «делах и днях» Луки Жидяты (написана преимущественно В.В. Мильковым), вторая представляет собой «полное собрание сочинений» (составитель С.В. Милькова), сопровождаемое приложениями — изданиями текстов других сопоставимых авторов, которые (тексты) служат, по мнению составителей, фоном и контекстом, оттеняющим значение творческого наследия Луки.

Уже в предисловии к книге его автор (В.В. Мильков) сетует на несправедливое отношение к Луке Жидяте в историографии: его произведениям уделено значительно меньше трудов, чем, например, *Слову о законе и благодати* Илариона или *Поучению* Владимира Мономаха (а также по какой-то причине поставленным в этот ряд *Изборникам* 1073, 1076 гг. и *Остромирову Евангелию*) (с. 5), труды Луки издавались редко, а оценку литературных достоинств и содержания его творчества давали невысокую. «Налёт предвзятости мешал увидеть в малой форме значительные смыслы и высокое мастерство автора, решавшего архисложную для своего времени задачу», — заключает автор. Понять всё значение («идейное») произведения Луки можно лишь в контексте «религиозно-политической ситуации в стране» времён жизни автора.

Воссозданию исторического фона посвящена глава «Русь на начальном этапе христианизации. Характерные черты эпохи» (с подразделами: «Общественно-политическая обстановка на Руси во второй четверти XI столетия» (с. 17–28) и «Своеобразие идейно-религиозной ситуации на Руси» (с. 28–43)). Русь времён Ярослава Мудрого предстаёт в этом изображении как эпоха бурных преобразований, а Лука Жидята, наряду с Иларионом, — как «птенцы гнезда Ярославова», единомышленники и сподвижники князя в трудном деле его реформ. Общий силуэт века традиционен и узнаваем: мудрый Ярослав прекратил усобицы и раздробленность, затем настало «золотое время» церковного строительства и просвещения, введения законов и искусств, упрочения международного престижа и внутреннего могущества государства. Однако уже здесь замечаем мотивы не вполне обычные: «Поворотной хронологической точкой отсчёта кардинальных перемен в стране следует считать 1036 г. — именно в этом году фиксируются первые шаги по утверждению церковной автономии» в Новгороде (то есть собственно поставление Луки Жидяты), что было первым шагом на пути утверждения автокефалии русской церкви (поставление Илариона). «Характерно, что на арене политической жизни Лука и Иларион появляются вместе и сходят с неё практически одновременно (середина 30-х — середина 50-х гг. XI в.), сразу после смерти их могущественного покровителя» (с. 22).

Детальнее эти мысли развиваются в следующем разделе. В.В. Мильков обосновывает мнение, что киевская митрополия была основана Ярославом в 1037 г. (ссылаясь при этом почему-то на *Софийскую первую (С1), Новгородскую Карамзинскую и Никоновскую* летописи), а первым митрополитом был

грек Феопемпт (1039 г.) (с. 32–36). В предшествующее время невозможно говорить о присутствии «митрополита в Киеве [...] и о какой-то особой организации церковной жизни в стране в эти годы» (с. 31). Странно при этом, что автор признаёт наличие во главе церкви архиепископа (как кажется, не понимая, что с точки зрения церковного управления митрополит и архиепископ почти тождественны). Ещё одной странностью рассуждений автора оказывается противоречие: испробованная поставлением Луки 1036 г. в Новгороде «автономия» церкви, вылившаяся затем в «автокефалию» поставлением Илариона 1051 г., представляют собой этапы единого пути, а между тем между ними пролегает учреждение «греческой» митрополии в 1037 г. Впрочем, как отмечает автор, Ярослав был «князем-экспериментатором, пробовал и так, и эдак:

Ярослав сначала ломает установленный отцом церковный порядок, а затем экспериментирует с назначением Луки. сначала призывает греков, а затем, неудовлетворённый привносимыми константинопольской патриархией порядками, делает резкий шаг в сторону автокефалии. По сути дела он возвращается к автономной церковной политике отца, только уже на основах иерархического построения духовных институтов и чёткой субординационной зависимости Священства от Царства (с. 37).

«Более подробные детали церковной истории просматриваются через реконструкцию биографии Луки и Илариона» (с. 42).

Восстановлению жизненного пути Луки посвящён следующий раздел — «Лука Жидята: жизнь и творчество» с главами: «Вехи биографии и деятельности Луки» (с. 43–47), «Идейный смысл начинаний новгородского святителя» (с. 47–56), «Идейно-религиозные особенности творчества иерарха» (с. 56–65), «За что судили святителя Луку?» (с. 65–70).

Биография Луки реконструируется автором на основании поздних новгородских летописей. Итак, после смерти первого новгородского «архиепископа» Иоакима Корсунянина в 1030 г., по его завещанию, был назначен его ученик Ефрем, но так и не был поставлен формальным образом (из *НIV*, *СI* и *Новгородской третьей летописей (НIII)*). В 1036 г. Ярослав сажает на стол сына Владимира, даёт новгородцам *Правду* и поставляет Луку епископом:

Замена Ефрема на Жидяту в 1036 г. была произведена демонстративно, и её трудно понять иначе, как отказ от поддержки кадров, продолжавших церковную линию Владимира. Начав с замещения Ефрема Новгородского на Луку, князь видимо рассчитывал покончить с церковной автономией Новгорода (с. 43).

Шаг был «упреждающим»: задумав подчинить Киев константинопольским церковным властям, Ярослав планировал «совместить с определённой свободой действий по контролю за церковными институтами в подвластных землях» (с. 43).

После отставки Илариона «по прибытию на Русь назначенный из Константинополя митрополит (Ефрем — *Авт.*) повёл дела в ключе преобразований, при этом некоторые мероприятия его выглядели решительно демонстративными» (с. 45) и главным из них была попытка сместить Луку Жидяту. В 1055 г. по клеветническому обвинению Луку вызвали в Киев, осудили и продержали три года. Однако в 1058 г. отпустили, а клеветника-холопа наказали, отрезав ему нос и руки (*НIV* и *СI* летописи). На возвратном пути 15 октября 1059 г. Лука умер (*НIV* и *СI*) и был похоронен «за святою Софиею» (*НIII*), а затем перенесен в Мартирьевскую паперть собора (статья «О Великом Новгороде», рук. XVII–XVIII вв., см.: Бугославский С.А. *Поучение епископа Луки Жидяты*, 41).

Подобная биография представляется Милькову «загадочной», и её тайному смыслу посвящён раздел «Идейный смысл начинаний новгородского святителя». «На время пребывания Луки на кафедре приходятся крупные культурные свершения в севернорусской столице, многие из которых могли не устраивать митрополита-грека» (с. 47). Среди них — создание *Остромирова Евангелия* (к которому, как кажется, Лука не имел касательства) и аналогичные: переписка Упырём Лихим *Толковых пророков*, «сохранивших значительные реминисценции глаголического протографа»; глаголические же граффити в Софии Новгородской; «весьма необычное» подкупольное изображение Спаса в соборе; введение колокольного звона и другие. На основании софийских граффити с призывами о заступничестве Мильков рисует «состояние напряжённой религиозной ситуации в Новгороде» (с. 51), в какой-то мере пришлось действовать епископу Луке.

Вот в такой тревожной атмосфере Лука пишет своё *Поучение*.

Круг задач, которые решал Лука, далеко выходит за рамки задач обычного назначения архипастыря. В содержании текста чётко просматривается несколько блоков: 1) краткая характеристика сути христианского учения и самые общие установления обрядово-благочестивого поведения; 2) указание на проступки, характерные для Новгорода и новгородцев; 3) политический контекст требований к пастве, отражающий тенденциозность религиозно-политических намерений властей; 4) общеустановочные нравственные требования, адресованные новообращённой среде (с. 56).

В содержании *Поучения* Мильков находит догматические сомнительности: «Например, догматически неблагонадёжным представляется непроговорённость Символа веры» (с. 57). Имеется в виду фраза: «Вѣрую въ едино[го] Бога до конца».

Вставить-то в открытую для изменений концовку символа можно было всё что угодно! Такого рода проявление свободы, граничившей с дерзостью, надо иметь в виду, когда заходит речь о причинах церковного суда над святителем. Неопределённость в вопросах вероисповедальных симпатий и склонностей вполне могла стать одной из возможных причин для возбуждения дела против Луки (с. 57).

Как указал ещё первооткрыватель текста Р.Ф. Тимковский, эта фраза есть всего лишь требованием читать Символ веры до конца, и указал её аналогию в тексте *ПВЛ* под 988 г.: «вѣруи сице гл҃а . вѣрую въ единого Ба҃ . ѿца вседержителя . творца нбу и землѣ . и до конца» (*ПСРЛ* 2: 97). Ничего вольнодумного или еретического фразы не содержит.

Не будем поэтому далее следить за экзегезой Милькова. Отметим, что предыдущие исследователи текста были единодушны в том, что перед нами весьма незатейливое поучение, не отличающееся ни глубинами мысли, ни литературной ценностью. Так, Н.К. Никольский отметил: «Содержание памятника довольно общее и соприкасается с обширной группой подобных произведений, вращавшихся в русской книжности и стоявших в связи с покаянною» (Никольский Н.К. *Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.)*. СПб., 1906, 146). Параллели и аналогии к Поучению Луки Жидяты были в своё время опубликованы С.А. Бугославским в приложении к его статье, и все они оказались из очерченного Никольским круга (Бугославский С.А. *Поучение епископа Луки Жидяты*, 21–25).

Но в рецензируемой книге *Поучение* Луки Жидяты представлено как произведение необычайной силы и несомненных литературных достоинств. Равным ему избирается *Слово о законе и благодати* Илариона (глава «Иларион Киевский и Лука Жидята — два выдающихся деятеля Русской церкви»), что читатель должен уяснить из раздела «Сравнительный анализ творчества Илариона Киевского и Луки Жидяты» (с. 91–127). Поэтому круг равнозначных сочинений выбран рангом повыше прежнего и в приложении опубликованы (с переводом и комментариями): *Слово* Илариона, *послания* киевского митрополита Никифора (первая половина XII в.) и *поучения* Серапиона Владимирского (вторая половина XIII в.) (с. 197–405). Публикация этих необязательных и многократно издававшихся текстов составила большую часть объёма книги.

Издание единственного известного произведения Луки Жидяты, весьма скромного по объёму (около 1800 знаков) *Поучения*, предпринято в разделе «Наследие Луки Жидяты». Собственно публикацию предваряет исследование списков и таблица разночтений (с. 135–160). Автор раздела С.В. Милькова следует в своей классификации опыту Бугославского, выделяя «Летописную» и «Четью» группы текстов. Она, впрочем, предприняла попытку выяснить, различаются ли тексты *Поучения*, помещённые в старшей и младшей редакции *НІВ летописи*, но пришла к выводу: «Можно согласиться с С.А. Бугославским, что «все летописные списки близки между собой». Действительно, оснований для разделения списков по принадлежности к старшей или младшей редакции мы не нашли» (с. 139).

Что же касается «Четьей» группы, С.В. Милькова вносит существенные коррективы в построения Бугославского. Все списки она разделяет на три категории по признаку объёма: краткую, сокращённую и полную версии.

Исследовательница отмечает, что списки «Четьей» группы (сокращённой и полной версий) несут на себе черты бóльшей древности, чем списки «Летописной» и, по крайней мере, два из них известны в рукописях старших (конец XIV — начало XV вв.), чем время возникновения летописей Новгородско-Софийской группы (в том числе и *НIV*). Полагая более детальное исследование делом будущего, она заключает: «Пока же можно констатировать тот непреложный факт, что четья группа не является ответвлением от летописного вида, а скорее всего обе восходят к общему протографу» (с. 148).

Но коль скоро так, и *Поучение* возникает в письменности отдельно от летописи и лишь затем оказывается включённым в неё, подрываются самые основания для атрибуции текста епископу Луке. В самом деле, как неоднократно указывалось, в сборниках *Поучение* надписывается различными именами, и никогда — Луки Жидяты (что характерно только для летописей): ср.: «сѣго Склесиаста словѣ»; «пооученіе сѣга архепѣпа Василья о дшвнѣи ползѣ»; «поуѣченіе сѣго Григоріа»; «слово и поучение того же (Иоанна Златоуста — *Авт.*) всемъ крстыяно^м»; «поуѣчиніе нѣкогого старца к люде^м» (Бугославский С.А. *Поучение епископа Луки Жидяты*, 27, 38). Да и в её собственной публикации текстов сокращённой и полной версии, по мнению С.В. Мильковой, выдающих свою большую сравнительно с летописью древность, заголовки следующие: «Поуѣчение сѣихъ агіслѣ w сѣнїи дшїи» (сокращённая версия); «Пооу^ніе о дшѣвнѣ ползѣ»; «поуѣченіе нѣкогого старца к люде^м» (полная версия) (с. 180, 183, 188). Получается, что только после попадания в летопись и только в ней к *Поучению* присоединяется имя Луки Жидяты. Это ставит авторство *Поучения* в зависимость от летописной истории о епископе Луке, поздней и вымышленной.

Вопреки выводам, предложенным в исследовании списков, публикация текста *Поучения* выполнена (совместно с В.В. Мильковым) на основании каких-то иных принципов и в блистательном пренебрежении к археографическим традициям. Так, не найдя существенных различий в списках «Летописной» группы, авторы, тем не менее, печатают отдельно тексты шести (!) списков *НIV летописи*; также необъяснённым осталась необходимость публикации отдельно текстов двух списков полной версии Четьего вида. Создаётся впечатление, что этот приём «умножения» использован для создания видимости «Наследия», предполагающего множественность текстов автора.

Что же на самом деле известно о «новгородском епископе Луке Жидяте»? Как видно из предыдущего обзора, авторы книги воссоздают его биографию на основании поздних, XV века, летописей Новгородско-Софийской группы с дополнениями из ещё более поздних — *Никоновской* и *НIII летописей*. По какой-то непонятной причине В.В. Мильков полностью игнорирует *Новгородскую первую летопись младшего извода (НПЛмл)*, чьи известия, собственно, и лежат в основании истории, развитой и дополненной впоследствии в цитируемых им летописях. Сюжету о Луке Жидяте в *НПЛмл* уделена

внимание Т.Л. Вилкул в контексте исследования о сложении текста *НПЛмл*. Поскольку возникновение этой летописи вполне удовлетворительным образом объясняется как результат контаминирования текстов *ПВЛ* и *Синод.* (то есть старшего извода той же новгородской летописи), ни в одном из которых истории Луки Жидяты нет, исследовательница пришла к закономерному выводу о поздней и инвентивной природе всего рассказа (см.: Вилкул Т. Новгородская первая летопись и Начальный свод. *Palaeoslavica* 11 (2003), 5–35). История епископа Луки по всем признакам представляет собой сочинение новгородских летописцев начала XV в., созданное, по справедливому предположению Вилкул, в русле общего стремления к изобретению новгородской государственной и церковной традиции. В этой истории имя Луки Жидяты соединено с именем «ошибочного» митрополита Ефрема, по недоразумению принятого поздними летописцами за киевского иерарха времён Ярослава Мудрого (см.: Толочко А.П. Замечания о первых митрополитах киевских. *«Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори.* М., 2018, 73–90). Все эпизоды «биографии» Луки (за исключением только поставления) связаны с этим никогда не существовавшим митрополитом: обвинения холопа, суд в Киеве, удержание в течение трёх лет и т. д.

В.В. Мильков полагает, что в Киеве епископа Луку судили по статье о причастности «к введению автокефальной епископии по инициативе светских властей» (с. 65). Но византийцы якобы побаивались этих самых властей. Поэтому «из дипломатических соображений новгородскому владыке скорее всего вменяли в вину не те проступки, которые бросали тень на авторитет светской власти, а какие-то действия неполитического свойства, достаточные для устранения от управления епархией. Обвинение в еретичестве вполне отвечало этим целям» (с. 66). Автор исходит из созданного им совершенно мистифицированного образа эпохи.

Напомним, что Лука был оклеветан его собственным холопом. Этим история Луки в *НПЛ* любопытно рифмуется с судьбой двух последующих ему новгородских епископов: «А Стефана в Киевѣ свои холопѣ удавиша [...] А Феодора свои песь уяде и с того умре [...]» (*НПЛ*: 473). Типологически подобные дерзости принадлежат к феномену внутреннего юмора канцелярских писцов: сочинению, например, пародийных и шуточных актов с внесением их затем в официальные книги.

О новгородском епископе времён Ярослава мы знаем только то, что содержится в краткой записи *ПВЛ* под 1036 г. (в *Ипат.* ошибочно под 1034 г.):

иде Іарославъ к Новугороду . посади сѣа своего Володимира . в Новѣгородѣ епѣпа
постави Жидѣтоу (*ПСРЛ* 1: 150; *ПСРЛ* 2: 138).

Как видим, речь идёт о некоем «Жидяте», ещё даже не Луке. Зная слабость и зависимость церковной организации от светской власти в раннесредневековых государствах вскоре после крещения, максимум, что можно за-

ключить из этого сообщения, это свидетельство безусловной поддержки церкви авторитетом князя. Сегодня сообщили бы, что президент лично представил нового руководителя коллективу.

Всё, что мы узнаем сверх этого о Луке Жидяте, его звезде и смерти, принадлежит к двум родам мифологии: средневековых хронистов и современных исследователей.

Алексей Толочко

Пузанов Д.В. *Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы. Древняя Русь и ее соседи: IX–XIII вв.* СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2018, 480 с., с илл.

Уж так устроен человек, что всегда прислушивается к тем или иным природным явлениям, черпая в них вдохновение или же, наоборот, узнавая в них злой рок. С возрастом метеозависимость и вовсе перестает быть метафорой. Некоторым небесным знаменам было суждено сыграть в культуре особую роль. Вспомним, например, солнечное затмение во время похода Игоря Святославича 1185 г. или наблюдение кометы 1812(11) года накануне нашествия Наполеона. Явление, воспринимаемое как знак, будучи запечатленным в литературном произведении, умножает свою образную силу, при этом, иногда направляя ее в совсем другое русло. Так в *Войне и мире* Л.Н. Толстого комета — традиционная предвестница бед — в восприятии Пьера Безухова, скорее, радостный знак, что, в общем, соответствует более раннему упоминанию в *Евгении Онегине* шипучего «вина кометы», то есть вина обильного урожая 1811 года.

Сама по себе тема фиксации климатических изменений и экстремальных природных явлений по письменным источникам — достаточно стара («стара как мир»), взять хотя бы классические труды Д.О. Святского (Святский Д.О. *Астрономия Древней Руси*. М., 2007), многочисленные работы Е.П. Борисенкова и В.М. Пасецкого (Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. *Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв.* Л., 1983; Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. *Летопись необычайных явлений природы за 2,5 тысячелетия (V в. до н.э. — XX в. н.э.)*. СПб, 2002) и др. Все новые авторы продолжают решать задачу, каким именно атмосферным явлением было то или иное, отраженное в письменном источнике, небесное знамение (Флоран Мушар. Небо как открытая книга: Небесные знаменья в древнерусском летописании (Домонгольский период). *Ruthenica* 14 (2017), 7–25).

Книга же Даниила Пузанова посвящена мифологическим особенностям трактовки различных природных явлений — периодических (таких как грозы, затмения и т.д.) или же окказиональных (бури, эпидемии и пр.). Она «вводит читателя в волшебный, религиозно-мифологический и мистический мир восточноевропейского Средневековья». Это нам напоминает о том, что